

О порозовских домах

*Гордин А.М., кандидат искусствоведения,
научный сотрудник Российского государственного Эрмитажа, г. СПб.*

В 2013 г. вышла очень полезная, содержательная книга Л.В. Гавриловой, А.В. Кондратени и Л.А. Мясниковой «Опочецкий купеческий род Порозовых и его потомки». Особенно замечательно в ней подробное родословное древо Порозовых. Но, к сожалению, не без участия автора этих строк в книгу вкралось несколько досадных неточностей. Именно это и побудило вновь обратиться к теме порозовских домовладений.

На одной из иллюстраций книги в качестве дома Якова Минича Порозова фигурирует бывшее здание дирекции филиала завода АТС (ул. Красных Командиров, 7). Сведения, очевидно, почерпнуты из списка памятников архитектуры города и района, и попали они туда вследствие моей ошибки, когда на рубеже 80-х – 90-х гг. я занимался уточнением этого списка для Научно-производственного центра по охране памятников¹. В действительности, строителем и первым хозяином дома был, судя по всему, Петр Екимович Кудрявцев, опочецкий 3-й гильдии купец, градской голова и, между прочим, главный оппонент Якова Порозова в злосчастной для города истории с покупкой Клемешина. Могильная плита Петра Екимовича на Покровском кладбище лежит у самой стены церкви, рядом с плитой его отца Иоакима Иоакимовича (ок.1777–1830).

Статистическое описание Опочки в «Атласе Псковской губернии» землемера Иванова (1838), отмечающее те же пять каменных жилых домов, что были в 1820 г., не позволяет датировать дом ранее конца 30-х – 40-х гг. XIX в. До этого, согласно «Обывательской книге города Опочки с 1829го по 1832^й год» (известной также под архивным названием советского времени, как «Книга регистрации жителей г. Опочка»), на месте нынешнего дома стояли два деревянных, принадлежавших матери Петра Екимовича, Анне Поляковой: «Имеет мать его Анна Алексеева два дома деревянного строения на каменных фундаментах: 1-й, доставшейся ей по духовному завещанию от отца ее Алексея Полякова в 8-м квартале на 1-м месте под № 103-м, 2-й самую ею построенной в 8-м квартале на 2-м месте, еще имеет выстроенные три лавки каждая о двух отворах, состоящая в торговом рынке, таковую же имеет и он лавку, доставшихся по наследству от отца его Екима Кудрявцова»². Возможно, это тот самый деревянный торговый рынок, с галереей на столбах, который находился как раз супротив дома, позади Городского корпуса.

¹ В основе ложной догадки лежал целый ряд неверных посылов, как то указание Л. И. Софийского на принадлежность здания гимназии Алексею Миничу Порозову и ошибочная локализация домов Мины Порозова и Игнатия Лапина на Старорынковской ул. В более позднем варианте списка, переданном мной в НПЦ, ошибка была исправлена. (В исходном списке, составленном архитекторами псковской реставрационной мастерской, здание, кажется, значилось просто как жилой дом.)

² ГАПО, ф. 88 Опочечская городская дума, оп. 1, д. 1 «Обывательская книга города Опочки с 1829го по 1832^й год». Л. 24 об.–25.

Наличие у П. Е. Кудрявцева средств на постройку большого кирпичного дома, а также соответствующего намерения, подтверждает сохранившееся прошение о выдаче ему «данной», то есть официальной бумаги, на 1-е и 2-е место в 10-м квартале под строительство каменного дома «с принадлежащею к нему пристройкою»: дело шло об участке на углу Соборной площади, вскоре выкупленном и застроенном 3-й гильдии купцом Адрианом Харитоновичем Телепневым (ул. Коммунальная, 2)³.

В статье о зданиях пушкинской эпохи в современной Опочке мной лишь в *форме вопроса* была высказана догадка «не Алексей ли Данилов сын Порозов» был строителем дома № 11 по Набережной улице, на Завеличье⁴. В книге Л. В. Гавриловой, А. В. Кондратени и Л. А. Мясниковой дом назван порозовским уже без всякого знака вопроса. И вновь без ссылки на документ. Между тем, «Обывательская книга» 1829–1832 гг. называет владельцем дома динабургского 3-й гильдии купца Степана Кононовича Песьяцкого – увы, не интересуясь при этом ни происхождением владения (наследование, покупка), ни возрастом хозяина, поскольку тот был купцом иностранцем: «дом ... на завелицкой стороне каменного строения с переходом и со флигелем о двух этажах в 38-м квартале на 1-м месте». Соединенный с существующим домом флигель, причем именно двухэтажный, можно видеть на фотографиях конца XIX в. Приблизительно в 1914 г. этот флигель – по виду, нач. XIX в. – снесли, чтобы возвести на его месте более скромный одноэтажный дом на высоких подвалах (ул. Набережная, 13)⁵.

Многим краеведам, вероятно, памятливы яркие строки лапинского дневника – запись от 30 июля 1820 г.: «Был пожар ввечеру... Горел дом Конона Песьяцкого, в коем было казначейство и уездный суд. Однако потушили; а бумагу и архиву, бывшую там, выбросили всю на улицу и разбили. Сей пожар, по примечанию, был зажжен с умыслом, у приказных»⁶. Похоже, что речь идет о том же самом доме. Каменный, двухэтажный, да еще и с флигелем – лучшего для размещения казначейства и суда было бы, наверное, и не сыскать. Не противоречит предположению и то, что документы называют Конона Сергеева сын Песьяцкого мещанином⁷. По сведениям на июнь того же 1820 г., в Опочке из пяти каменных обывательских домов было четыре «купецких» и один мещанский⁸.

Из-за членищих фасад рустованных лопаток автор этой статьи долго ошибочно считал дом на Набережной постройкой сер. XIX в. и был немало удивлен, обнаружив его на плане города, составленном между 1807 и 1811 г.⁹ Между тем, для вер-

³ ГАПО, ф. 146 Опочецкий городской магистрат, оп. 2, д. 93а «Дело по прошениям Опочецкаго купца Телепнева и мещанина Кудрявцева о выдаче на место данных», 1836 г.; Гордин А. М. Застройка эпохи классицизма в современной Опочке // Псков, № 12, 2000. С. 143–144. Пара каменных домов у въезда на площадь с восточной стороны была предусмотрена еще на плане 1778 г.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ Дом 11 по Набережной ул. принадлежал тогда Н. А. Яновичу. О нем и ододе см., в частности: Иванов Н. Из воспоминаний детства // И путешествие в Опочку... Альманах. Псков; Опочка, 2000. С. 31–32.

⁶ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина // ТПАО. Вып. 11. 1915. С. 63.

⁷ ГАПО, ф. 146, оп. 2, д. 17 «Дело о выдаче данной мещанину Конону Песьяцкому», 1821 г. Само дело, увы, не вносит ясности в вопрос, так как касается «безномерного порозжего места» в 43-м квартале, также на Завелицкой стороне.

⁸ ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 630, 1820 г. Л. 82 об.

⁹ РГИА, ф. 1293, оп. 167, д. 19 «План города Опочки в нынешнем его положении».

ной датировки достаточно было обратить внимание на высоту, слабый вынос и мелкие зубчики карниза, ибо такой карниз недвусмысленно указывает на екатерининское царствование и, скорее, даже на 80-е гг. XVIII в., хотя и не ранее 1785 г., когда, согласно описанию Псковского наместничества, обывательская застройка в Опочке продолжала оставаться сплошь деревянной¹⁰. Иными словами, дом Песьяцкого, вероятно, старше дома Стефана Викулина, прежде опрометчиво названного мной «самым старым» каменным жилым домом Опочки (ул. Ленинская, 23). Тот факт, что первый дом, в отличие от последующих, появился на берегу реки и, к тому же, на Завеличье, конечно, любопытен. Не забудем, однако, что окна его смотрели не только на реку, но и на Соборную площадь на другой стороне. Более того, судя по старейшему плану Опочки, до перепланировки, а возможно, и какое-то время после, мост через Великую находился почти напротив дома¹¹.

Бесполезно гадать, подходит ли по своему имущественному положению и возрасту не знавший грамоты и умерший, видимо, где-то в конце 1820-х гг. Конон Песьяцкий на роль строителя дома. Сомнения на сей счет имеются и большие. Однако, даже если усадьба была Песьяцким просто куплена, совсем необязательно, что предыдущим ее владельцем был кто-то из Порозовых.

* * *

Теперь о бесспорных порозовских постройках.

Л. В. Гаврилова и ее соавторы справедливо отбросили популярную версию, по которой здание Земской управы (ул. Ленинская, 59) ошибочно считалось резиденцией могилевского (!) губернатора Михаила Васильевича Каховского. В действительности, строителем дома был ктитор Троицкой церкви Алексей Данилович Порозов, которому наследовал его сын Степан.

Запись «Обывательской книги» – приведенная в книге о Порозовых целиком – упоминает помимо каменного также и деревянный дом. Местоположение его определяется лишь гадательно: либо в глубине двора, ближе к реке, либо, что менее вероятно, на месте известного по фотографиям одноэтажного флигеля, который в 1950 г. сменило здание Быткомбината. Зато доподлинно известно, что состоявший «в 22-м квартале на 1-м, 2-м, 3-м местах под № 265-м» «дом каменного строения для переделки и обработки льна» находился прямо напротив особняка, на другом углу Даниловской (Трудовой) улицы. Как и оба жилых дома, он достался Степану Алексеичу «по наследству после смерти отца его купца Алексея Порозова», то есть был построен до 1816 г.

Подобные же, только «деревянного строения», льняные заводы имели также, напротив своих усадеб на Большой улице – она же Великолуцкая и Ленинская – Василий Силыч Селюгин и Александр Иванович Святогоров (Слетогоров). Самый большой по площади, льняной завод Святогорова, находившийся в том же 22-м

¹⁰ ГАПО, ф. 74, оп. 1, д. 172. Что касается рустованных лопаток, то этот декоративный мотив и вовсе принадлежит архитектуре аннинского и елизаветинского времени. См.: Белецкая Е. А., Крашенинникова Н. Л., Чернозубова Л. Е., Эрн И. В. «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв. М., 1961. Рис. 32, 38, 39, 54–56, 61. В конце XVIII в. он выглядит почти анахронизмом и будет вновь востребован лишь в середине следующего столетия.

¹¹ РГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 630. Завеличье, судя по плану, было уже тогда неплохо заселено; здесь же проходил основной почтовый тракт.

квартале, между порозовским заводом и Викулинской (Кооперативной) улицей, «Обывательская книга» называет, впрочем, «бывшим», уточняя, что он приобретен – вместе с жилой усадьбой – «у опочецкой 3-й гильдии купецкой жены вдовы Ольги Викулиной». Несмотря на раннюю смену владельца, название «Викулинская улица», как известно, дожило до советского времени, что косвенно подтверждает справедливость догадки о том, что название близлежащей Даниловской улицы произошло от имени Данилы Порозова¹².

Льняные заводы в двух кварталах четной стороны Большой улицы появились, разумеется, не стихийно, но были предусмотрены планом перепланировки города (1778)¹³. Не удивительно поэтому, что первыми хозяевами тут были представители второго поколения опочецкого купечества, в том числе Стефан Михайлов сын Викулин и, почти наверняка, Данила Артемьев сын Порозов¹⁴. Эти и подобные им льняные заводы просуществовали около ста лет. «В Опочке, – писал в 1912 г. Л. И. Софийский, – бросаются в глаза однотипные каменные жилые дома, которые прежде служили льняными треплями. Таковы дома, например, Кудрявцевых на Великолуцкой улице. Трепли уже лет 20-30 тому назад прекратили свое существование, так как лен обдeldывать научились производители его – земледельцы, и уже сами в обработанном виде производят продажу льна».

Своеобразным реликтом производственной деятельности на главной городской магистрали все еще остается – как раз по другую сторону выше названной Даниловской улицы – здание и прилегающий к нему хозяйственный двор, в прошлом, кажется, хлебозавода, а ныне автотранспортного предприятия (ул. Ленинская, 52). Сейчас, когда от трех соседних купеческих льнозаводов исчез и след, указанный комплекс, даже в своем сильно перестроенном виде, безусловно, заслуживает сохранения как памятник градостроительства и истории, ведь хорошо известно, сколь важны были для Опочки и уезда льноводство и торговля льном.

* * *

И все же в вопросе о пресловутых каменных губернаторских домах авторы книги о Порозовых оказались не последовательны, по-прежнему связав старое здание Педучилища – «белой гимназии», как его называли в старой Опочке – с именем

¹²Гаврилова Л. В., Кондратеня А. В., Мясникова Л. А. Опочецкий купеческий род Порозовых и его потомки. Опочка, 2013. С. 7. (См. также статью П.М. Романова о названиях городских улиц в газ. «Красный маяк» (1994). На естественно возникающий вопрос, почему одна улица получила название по имени, тогда как другая – по фамилии, ответом может быть то, что Викулиных, в отличие от Порозовых было мало, и по-настоящему знамениты из них были только двое. Правда, это объяснение подрывается фактом наличия по соседству Кудрявцевской улицы (ныне Карла Маркса).

¹³Если не изменяет память, места под «заводы» прямо обозначены в указанных кварталах на одном из планов Опочки конца XVIII или начала XIX в.

¹⁴То, что проданные Святогорову строения Ольга Лукинична Викулина унаследовала от мужа, документально подтверждает «Завещательная духовная» последнего (1800): «... благоприобретенное мое имение, имянно строение: 1^е. в четвертом квартале на местах, четвертом и пятом деревянный дом на каменном фундаменте с принадлежащими к нему службами и кладовыми анбарами и прочею пристройкою, в котором я с прошлаго тысяща семь сот восемьдесят третьего года ... жительство имею – 2^й. льняной завод с кладовыми анбарами, треплями и для рабочих людей избами, построенной напротив предписанного дома моего в двадцать втором квартале на местах осмом, девятом и десятом, одиннадцатом и двенадцатом» (ГАПО, ф. 66, оп. 1, д. 49, 1802 г.). В 21-м квартале, т. е. чуть ли не на Викулинской улице, находился родительский дом С. М. Викулина, который были им «возобновлен и по плану построен» и отдан под городовой магистрат.

графа Захара Григорьевича Чернышева. Приводя запись «Обывательской книги» о Якове Миниче Порозове, коллеги странным образом опустили указание на то, что главный дом стоит «на купленных местах у помещиц Александры Венюковой, Веры Ротзевичевой, Софьи Черкасовой и Надежды Бухвостовой в 18 квартале на местах 7-м, 8-м»¹⁵. То есть участок был приобретен у четырех владельцев, наверняка, сонаследниц. О покупке *дома* при этом не говорится ни слова.

Неоклассический, палладианский фасад «белой гимназии» воспроизводит один из образцов второй части «Собрания фасадов, Е.И.В. высочайше апробованных для частных строений в городах Российской Империи», изданной в виде альбома в 1809 г. (ил. 1)¹⁶. Надо сказать, что, несмотря на свою благородную гармонию, данный фасад – под номером 70 – не принадлежал к числу популярных¹⁷. Дом Крестовского в Велье явно скопирован не столько с него, сколько напрямую с дома Порозова. За пределами Опочецкого уезда по-прежнему знаю лишь один пример – в г. Туттаеве, он же Романов-Борисоглебск, под Ярославлем. Тамошний дом, правда, гораздо скромнее, ибо образцовый фасад из фронтального сделан наугольным (на две улицы), но со скругленным углом, что позволило сохранить и фронтоны, заменив треугольный на старомодный лучковый¹⁸.

Что касается дворового фасада дома Мины Даниловича и Якова Минича Порозовых (ил. 2), то авторство его должно принадлежать непосредственному автору проекта, каковым мог быть губернский либо специально приглашенный частный архитектор. Композицию с полуротондой, дополняющей мощный центральный ризалит с фронтоном, одним из первых ввел в русскую архитектуру Джакомо Кваренги, использовав ее, в частности, в решении тыльного фасада Мариинской больницы в Петербурге (1803–1805).

У опочецкого дома, в силу его размеров, вместо половины ротонды, впрочем, только ее треть. Не ясно, чем объяснить отсутствие у ее карнизов таких же тонких штукатурных профилей, что и на основном объеме. Полувальмовая кровля и арочные чердачные окошки ризалита, характерные, скорее, для архитектуры николаевского, нежели александровского царствования, во всяком случае, не исключают предположения о *возможных* переделках, произведенных еще при жизни Я. М. Порозова. С другой стороны, квадратные ниши нижнего яруса полуротонды могут свидетельствовать о том, что нынешняя прямоугольная форма окон первого этажа вовсе не следствие отступления от образцового проекта, а результат удачной растески проемов во второй пол. XIX в.

¹⁵ ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 1.Л. 46 об.–47. В статье в журнале «Псков» (№ 12, 2000) две первые фамилии, к сожалению, приведены с пропуском пары букв.

¹⁶ Палладианский стиль в архитектуре получил свое имя от знаменитого венецианского архитектора XVI в. Антонио Палладио. Будучи разновидностью классицизма, характеризуется строгостью пропорций, любовью к свободным фасадным плоскостям, украшенным лишь горизонтальными тягами, использованием трехчастных, так называемых венецианских, окон и заимствованных из древнеримской архитектуры полуциркульных окон, так же разделенных стойками на три части.

¹⁷ Статистику применения отдельных проектов «Собрания фасадов...» см.: Белецкая Е. А., Крашенинникова Н. Л., Чернозубова Л. Е., Эрн И. В. «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв. С. 151–152, 160.

¹⁸ Герчук Ю.Я., Домшак М.И. Художественные памятники Верхней Волги. («Дороги к прекрасному»). М., 1968. С. 119; Добровольская Э.Д., Гнедовский Б.В. Ярославль. Туттаев. («Архитектурно-художественные памятники»). М., 1981. Ил. 161.

Так или иначе, нет никаких зримых натуральных доказательств того, что интересующий нас дом перестроен из здания 70-х гг. XVIII столетия. Ведь даже у *дважды* перестроенного здания четырехэтажного корпуса остались такие рудименты архитектуры XVIII в., как четное число окон и угловые лопатки на торцовых стенах.

Да и могли ли в принципе Чернышев и Каховский *жить в каменных домах*, как то указывает Софийский, если он сам тут же уточняет, что еще в декабре 1774 г. оба были во Псков, проведя в Опочке «всего 11 месяцев и 8 дней»?¹⁹ Работы по перепланировке города развернулись, судя по всему, лишь после сентябрьского пожара 1774 г. Как раз декабрем этого года датирован первый, сильно отличающийся от воплощенного, план перепланировки, подписанный знаменитым русским архитектором И. Е. Старовым²⁰, а оба каменных корпуса на площади были, по документам, выстроены «вчерне» только в 1776 г.²¹ Таким образом, остается одно: вместо слов «жил в каменном доме» читать «жил в деревянном доме», что, кстати, совпадает со свидетельством описания Псковского наместничества, упоминающего наряду с двумя каменными корпусами лишь «два деревянных дому» для судебных и прочих властей²². Вопрос локализации бывших губернаторских резиденций на карте города требует специального исследования. Замечу лишь, что далеко не очевидно, что, говоря о «женском малом училище», занявшем позднее генерал-губернаторский дом, Л. И. Софийский имел в виду именно прогимназию.

* * *

Наряду с Яковом Миничем Порозовым в книге о Порозовых фигурирует и его брат Алексей. По-видимому, это тоже не более чем дань авторитету Л.И. Софийского, писавшего в своей книге, что «здание, в верхнем этаже которого помещается женская гимназия имени А.С. Пушкина, а в нижнем этаже городской общественный банк, принадлежит теперь городу, а прежде владельцем его был известный купец Алексей Минович Порозов»²³. Между тем, отсутствие такого имени в документах эпохи – по крайней мере, в тех, что приходилось смотреть – заставляет полагать, что у Софийского тут просто неточность, ведь и в опубликованной коллегами родословной схеме никаких сведений об Алексее Миниче не приведено. Неправдоподобным, как в рассуждении быта, так и статуса владельца, кажется и утверждение о том, что в нижнем этаже каменного дома братья Порозовы держали харчевню²⁴. Очевидно, это основано на чьих-то досужих домыслах. Мало того, можно с уверенностью утвер-

¹⁹ Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков, 1912 (репринтное издание: Псков, 2004). С. 56.

²⁰ РГАДА, ф. 248, оп. 160, д. 770 «План губернского города Опочки», 1774 г.

²¹ См., в частности: Лагуни И. И. Дорогами Пушкина: Путешествие в Опочку // Псков, № 9, 1998. С. 142. Между прочим, и у самого Л. И. Софийского на той же 56-й странице, где сказано о губернаторских домах, приводится доклад З. Г. Чернышева о пожаре 17 сентября 1774 г., недвусмысленно указывающий лишь на подготовку к строительству: «на построение тамо губернской [канцелярии], також губернаторского и служащим при той чинам домов и разных казенных строений ... и на сей город сумма отделена, из коей уже заготавливаются разные материалы, потребные к возведению в оном каменных строений».

²² ГАПО, ф. 74, оп. 1, д. 172.

²³ Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). С. 64.

²⁴ Гаврилова Л.В., Кондратеня А.В., Мясникова Л.А. Опочецкий купеческий род Порозовых и его потомки. С. 7. Указание авторов о том, что купцы Порозовы арендовали дом у города, никак не соответствует действительности.

ждать, что оба входа в дом с улицы появились, в силу естественной необходимости, лишь во времена прогимназии и городского банка.

В 1823 г. Яков Порозов ходатайствовал о прирезке к его усадьбе пустопорожного места под заведение сада; как видно из «Обывательской книги», просьба – «по предписанию высшего начальства» – была удовлетворена, и таким образом, Порозову удалось, наконец, прибрать к рукам весь квартал, за исключением церковного участка²⁵. В моей публикации в журнале «Псков» не было упомянуто о приложенном к ходатайству плане, сделанном опочецким землемером Ильей Новиковым. При всей схематичности, план этот для нас весьма ценен (ил. 3). На нем показана застройка не только 18-го, но и ближайших к нему кварталов, в том числе и участка, где стоит здание организатора краеведческих чтений, районной библиотеки. Хорошо видно, как сильно рознятся места деревянной и каменной Никольской церкви. Оригинал, естественно, подцвечен акварелью, но и в черно-белом воспроизведении можно заметить более темную (красную) заливку, отличающую каменные здания: уже упоминавшийся дом Викулина (позднее – Селюгина) напротив церкви на углу, дом Якова Минича, вытянутое вдоль церковной ограды здание льнотрепли (?) с цилиндрическими сводами в первом этаже²⁶, а также стоящий параллельно дому флигель (?). Оказывается, он гораздо старше одноэтажного крыла Пожарного депо, к которому теперь примыкает!

* * *

Как известно, большое родовое гнездо Порозовых находилось на Завеличье, на углу улиц Полоцкой (Гагарина) и Завелицкой (Красногородской) и Конной площади. Авторы книги о Порозовых подробно говорят о нем в связи с Никандром Семеновичем Порозовым. Запись в «Обывательской книге» позволяет отнести появление этого гнезда к самому началу XIX в.: «Илья Михайлов сын Порозов опочецкой мещанин старожил имеет от роду 49 лет... Имеет дом ... на завелицкой стороне деревянного строения на каменном фундаменте, купленной у опочецкой мещанской жены Марьи Песьяцкой, на которой дом имеет купчую крепость, в 32-м квартале на 1-м месте»²⁷, что соответствует нынешнему участку домов № 8–10а по Красногородской улице. Илья Михайлович Порозов, как видно из опубликованного родословного древа, родился в 1780 г. и был дедом Никандра Порозова. Жена его, Марья Ивановна, также была из мещан.

Приобретенную Ильей Михайловичем усадьбу – по крайней мере, западную ее часть – последовательно наследовали младшие сыновья в семье, каковыми были Семен и Никандр. Во времена последнего, уже не мещанина, а 2-й гильдии купца, на углу Полоцкой улицы вырос двухэтажный кирпичный дом в пять осей, слегка напоминавший известное здание Воинского Присутствия – дом этот разрушен в войну.

²⁵ ГАПО, ф. 146, оп. 2, д. 38 «Дело о выдаче данной опочецкому купцу 2-й гильдии Якову Порозову в городе Опочке в 18 квартале», 1823 г.; Гордин А.М. Застройка эпохи классицизма в современной Опочке. С. 142–143. Сохранились также более ранние прошения Мины Порозова и Якова Порозова о выдаче им данной на, соответственно, 5-е и 6-е места и 1-е место того же квартала (ГАПО, ф. 146, оп. 2, д. 5, 1814 г.; д. 35, 1823 г.).

²⁶ Опочецкие краеведы старшего поколения принимали это здание за келью Никольского монастыря, хотя входы в него расположены именно со стороны Порозовской усадьбы, да и окна второго этажа, по-видимому, были пробиты лишь во второй половине XIX в.

²⁷ ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 1. Л. 47 об.–48.

По-видимому, немного ранее, а именно в конце 1870-х или в 1880-е гг., был построен другой, кое-как уцелевший дом с торцовым фасадом и лавкой в первом этаже (ул. Красногородская, 10). Архитектору, капитально перестраивавшему его около 1960 г., наверное, и в голову бы не пришло лишить дом его главной достопримечательности – веселого кирпичного декора (ил. 4). Этот вандализм допущен уже в наши дни. А ведь речь идет не просто об объекте культурного наследия, находящемся, насколько мне известно, в официально утвержденном в 90-х гг. списке, но о *самобытном произведении опочецких каменщиков*, точных аналогов которому в других местах нет! (О составляющих теперь главную красу Красногородской улицы современных постройках из силикатного кирпича этого никак не скажешь.) По свидетельству Н. Г. Иванова, помимо двух кирпичных на дворе Н. С. Порозова в нач. XX в. сохранялся и более старый деревянный дом – со стороны Полоцкой улицы.

Вопрос о принадлежности восточной половины 1-го места 32-го квартала, застройка которой почти зеркально повторяла западную, требует дополнительных архивных розысков. «Близнец» двухэтажного дома с лавкой, стоявший с ним бок о бок, увы, утрачен, однако, частично уцелел нижний этаж жилого дома на углу Фоминской улицы (ул. Красногородская, 8)²⁸. Как видно на фотографиях, до войны он также был полукаменным, только верхний этаж был не ниже, а наоборот, почти в полтора раза выше нижнего, что, конечно, гораздо красивее и наряду с пропорциями окон и строгостью декора указывает, минимум, на сер. XIX в.

Социальное расслоение жителей Опочки довольно четко прочитывалось на ее карте. Порозовы-мещане, не купцы, по данным «Обывательской книги», в большинстве жили на юго-восточной окраине, в районе теперешних улиц Красноармейской и Первомайской. «...В 27-м квартале на 3-м месте», то есть на четной стороне Даниловской, либо Викулинской улицы, в доме собственной постройки жила вдова мещанка Пелагея Федотовна Порозова, с сыном Григорием 27-и лет и невесткой Натальей Ивановной. Речь явно идет о попавшем в опубликованную родословную схему Григории Ивановиче Порозове, родившемся в 1804 г.

По соседству с одной вдовой жила другая – «Авдотья Иванова жена Порозова опочецкая мещанка... от роду 48 лет», вдова Никифора Порозова, жившая с сыном Алексеем 18-ти лет и падчерицей Марьей Порозовой 23-х лет, в доставшемся от мужа доме «в 28 квартале на 1-м и 7-м местах», что, скорее всего, соответствует четной стороне Косьмодемьяновской (Красноармейской) улицы, возможно, между Кудрявцевской и Викулинской улицами. Нумерация кварталов и «мест» в этой части города пока восстанавливается нетвердо. Так или иначе, участок был большой – чуть ли не на три улицы сразу, – очевидно, с большим огородом.

По-видимому, та же самая Авдотья Порозова, уже после замужества и рождения сына, в 1816 г. продала купеческой дочери Василисе Ивановой, жене столяра мещанина Николая Тимофеева сына Дементьева, деревянный, возможно, достав-

²⁸ О сохранности основной части старых стен свидетельствует досье БТИ и кладка, которую можно было видеть в местах выпада современной штукатурки.

шийся по наследству, дом в гораздо более престижном месте, а именно «в 3 квартале на 7 месте»²⁹ (нынешний адрес домовладения – ул. Ленинская, 63).

Не попавший в родословную роспись – он, впрочем, также был лишь мещанин, а не купец – Илья Аксентьев сын Порозов, согласно все той же «Обывательской книге, 32-х лет, холостой, жил вместе с братом Матвеем, 29-ти лет, в деревянном доме, самим построенном «в 23-м квартале на 6-м и 7-м местах»³⁰. Тогда это был буквально край города. Нынешний адрес участка – ул. Некрасова, 4а.

Когда уже при Александре Втором старший брат Никандра Семеновича Порозова Тимофей Семенович, гласный городской думы, зажил отдельным домом, он получил место под застройку также на краю Опочки, но все-таки не где-нибудь в за-коулке, а на главной Великолуцкой улице, по которой всего за пару десятилетий до этого прошло Киевское шоссе³¹. Позднее рядом построился и его сын Иван. Эти порозовские усадьбы сгорели в войну. После войны вдове Ивана Тимофеевича и его дочери построить на родном пепелище не разрешили. Более полувека прожила Мария Ивановна Порозова в скромном домике на соседней Гусаковской улице³², где посчастливилось беседовать с ней и автору этих строк. Одна из последних носительниц фамилии «Порозовы» в Опочке, Мария Ивановна знала свою родословную вплоть до прадеда, знала, что корни ее семьи – на Завеличье.

* * *

В качестве заключения хотелось бы особо подчеркнуть большую историко-культурную ценность здания порозовской богадельни (ул. Красных Командиров, 11). Не только из-за связанной с ним пушкинской легенды³³, но и потому что в Псковской области, в отличие даже от соседних областей (Тверской, Новгородской), деревянный дом эпохи классицизма в центре города – настоящая редкость. Так что, пусть нынешний облик здания и отличается от первоначального, все равно это уникальный свидетель прошлого в самом сердце старой Опочки, к тому же, играющий важную визуальную роль в ее речной панораме.

В деле 1828–1829 гг. о передаче только что устроенной «собственным иждивением» купцов Порозовых богадельни в ведение Псковского приказа общественно-го призрения слово «построена» не употреблено ни разу³⁴. Не исключено поэтому, что Порозовы лишь обустроили уже существовавшее на том же или ином месте здание. А потребность же в этом была весьма высока. Если в конце XVIII в. в Опочке имелись сразу две богадельни, для жен и для мужчин, то в начале следующего столетия дело попечения о немощных и убогих пришло в явный упадок. «По городу, – с витиеватостью сообщает ведомость 1820 г., – богоугодных заведений богадельня 1,

²⁹ ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 1. Л. 18 об. –19.

³⁰ Там же. Л. 51 об.

³¹ Что это было именно новостройка, а не наследование или покупка, позволяет думать, в частности, план 1843 г. (РГИА, ф. 1293, оп. 165, д. 340 «План города Опочки с показанием направления предполагаемого шоссе по городу»), судя по которому, к середине XIX в. городская застройка едва шагнула за нынешнюю улицу 9 Января.

³² Гаврилова Л.В., Кондратеня А.В., Мясникова Л.А. Опочецкий купеческий род Порозовых и его потомки. С. 17. К сказанному в книге можно добавить, что у Марии Ивановны была достаточно редкая специальность – топограф.

³³ Гордин Арк.М. Пушкин в Псковском крае. Л., 1970. С. 284; Иванов Н. Из воспоминаний детства. С. 31.

³⁴ ГАПО, ф. 75, оп. 1, д. 119 «[Дело] по предложению гражданского губернатора о устроенной в Опочке купцом Порозовым богадельни».

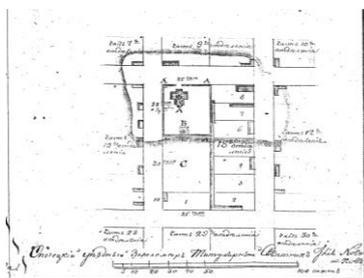
коя содержится Печерским монахом Лазарем, но положения оной никакого нет, а лишь одно пристанище и закрытие от воздуха и погоды неимущим мест бедным людям»³⁵. В мае 1824 г. бывший опочецкий священник, схимник Лазарь Евстигнеев отошел в мир иной. Четыре года спустя инспектировавший губернию чиновник по особым поручениям Мантейфель отметил лаконично: «богадельни в Опочке нет»³⁶.

Известно, что купец Стефан Викулин достраивал – точнее будет сказать, строил – своим коштом опочецкий Спасо-Преображенский собор, находясь в должности градского головы. Точно так же и братья Порозовы занялись решением одной из насущных городских проблем как раз в те годы (1826–1828), когда один из них, Степан Алексеевич, был градским головой, а Яков Минич, видимо, уже готовился занять его место в следующем трехлетии (ил. 5). Еще в древнем Риме существовала практика, по которой выборные лица устраивали за свой счет публичные празднества, возводили общественные здания...

Ил. 1. Фасад № 70 из второй части «Собрания фасадов Е.И.В. высочайше апробованных для частных строений в городах Российской Империи. 1809 года»

Ил. 2. Дом Я. М. Порозова. Дворовый фасад. Снимок конца 1980-х гг., после сноса тамбура-крыльца времен прогимназии

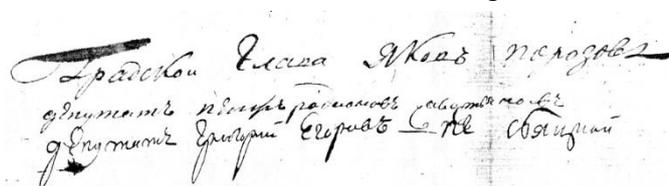

Ил. 3. «План части города Опочки 18-му отделению ...», 1823 г. (ГАПО, ф. 146, оп. 2, д. 38, Л. 3). Фрагмент. В экспликации к плану Яков Порозов назван «строителем» Никольской церкви. По-видимому, он и в самом деле считался таковым наравне с отцом, продолжая одаривать храм и после его постройки

Ил. 4. Один из двух кирпичных домов Н. С. Порозова. 1870-е – 1880-е гг. Снимок конца 1980-х гг. Оригинальный декор фасада ныне уничтожен (заштукатурен или сбит)

Ил. 5. Подписи градского головы Якова Порозова и депутатов «для сочинения обывательских книг» Петра Савостьянова и Григория Песьяцкого

на последнем листе «Обывательской книги города Опочки с 1829го по 1832^й год» (ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 1)

Примечание: "Роль А. В. Кондратени в написании книги о роде Порозовых и его потомках ограничивалась предоставлением архивных и других материалов. Окончательный текст книги до публикации не был ему известен, а потому он не несет ответственности за имеющиеся в нем изъяны".

³⁵ ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 630. Л. 83.

³⁶ ГАПО, ф. 238, оп. 1, д. 102 «Дело о ревизии Псковской губернии чиновником по особым поручениям Мантейфелем», 1828 г. Л. 45об.